

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ВОСТОЧНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**XXV МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ
СТРАН АЗИИ И АФРИКИ**

**«ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И АФРИКАНИСТИКА
В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

22–24 апреля 2009

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

**Санкт-Петербург
2009**

СЕКЦИЯ 8.
ЛИТЕРАТУРА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ
И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС
LITERATURE OF ASIA AND AFRICA
IN THE DEVELOPMENT OF WORLD LITERATURE

Ш.И.Ахмедова
(ТашГИВ, Ташкент)

*Мифологические и фольклорные образы в современном
кувейтском рассказе и их функциональная нагрузка.*
(На примере творчества Лейлы аль-Усман и Сурайи аль-Баксами)

Мифы, их мотивы и образы часто служат источником для художественной литературы Кувейта, особенно для наиболее развитого прозаического ее жанра – рассказа. В творчестве известных современных писательниц Кувейта Лейлы аль-Усман и Сурайи аль-Баксами, воспитанных как на духовном наследии своего народа, так и на достижениях мировой культуры, мы видим проявление большого интереса к мифологическим образам в аспекте их модификации в литературном произведении.

Они рассматривают мифологию как огромный пласт опыта человеческой цивилизации и пытаются найти в ней ответы на волнующие их вопросы. Интерпретация мифов, их творческое осмысление в рассказах писательниц идет в зависимости от той функциональной нагрузки, которую они выполняют в их произведениях.

Например, Лейла аль-Усман в своем рассказе «Коричневый муравей» («Ан-намл аль-ашкар») широко использует мифологическое значение муравьев, которое во многом объясняется их биологическими особенностями – множественностью, подвижностью, коллективностью, которые проявляются в форме их деятельности. Известно, что в мифопоэтических и культурно-исторических традициях с муравьями связываются различные символические значения. В одних случаях этот образ–символ коллективизма и трудолюбия, в других традициях – образ разрушения.

Для другой кувейтской писательницы Сурайи аль-Баксами характерны мифы, связанные со стихией моря. В ее рассказах присутствуют русалки, уводящие юношей на дно морской пучины, бродячие духи моряков, погибших в море, поэтому не захороненных по обычаю, и их души не находят покоя, образы морских птиц-вещуний,

чьи крики несут в себе элементы пророчества и предсказания, откровений и тайного смысла.

В стилистическом отношении мифологический образ или органично сливается с образами рассказа, растворяясь в целостной композиции произведения, или вводится в основной текст через интертекст, несущий в себе скрытый, тайный смысл, зашифрованный намек, подтекстное содержание.

Сознательная установка на миф, предание, фольклорную стихию становится характерной для писателей Кувейта еще и потому, что они видят в мифологическом образе выход к вечным идеалам человека – красоте, любви, справедливости. Стремление писателей выйти за социально-исторические и пространственно-временные границы ради выявления общечеловеческого содержания стало одной из причин использования мифологии, которая в силу своей исконной символичности, оказалась удобным средством для выражения сложных моделей взаимоотношений личного и общественного поведения.

А.К.Ахметбекова
(Казахский НУ, Алма-Ата)

Элементы суфийской литературы в казахской поэзии

В казахской литературе только произведения Шакарима Кудайбердиулы (1858–1931) можно отнести к суфийской литературе по отличающим ее признакам. Трансформация суфийских терминов, мотивов, которая началась со времен Кожа Ахмета Ясави, окончательно сформировалась в поэзии Шакарима, полностью отражая мировоззрение казахского народа.

Исследуя тенденции преобразования суфийских элементов в казахской литературе, можно заметить, что суфийская литература представлялась обычно как хикметы Ясави с дидактическим содержанием, а такие типы, как «поэзия светская, преимущественно эротического характера»¹ воспринимались если не как чужое, то в большинстве случаев как продукт влияния арабо-персидской литературы. Поэтому «Мухаббатнаме» аль-Хорезми не связывали с суфийской поэзией, несмотря на ее ярко выраженные суфийские элементы.

Суфийская терминология была связана с лексикой любовной лирики, винной поэзии. Традиция суфийской литературы диктовала свои правила в переработке мотивов, образов. Эти правила сводились к тому, что надо было перенимать их в том виде, в каком они

¹ Бертельс Е.Э. Суфизм и суфийская литература. М., 1965, с. 62.

зарождались в арабском языке. Помимо терминологии суфийская поэзия отличалась тем, что она была философской, что отражалось в стиле: «В плане стилистическом философский характер поэтического произведения отражается в повышении терминологичности текста... Но терминология была связана с символикой, имела устойчивый ряд ассоциаций, образывала мотивы с устойчивыми семантическими полями, и совладать с этой «круговой порукой» было непросто»¹. Ясави в своих хикметах снабжал суфийские термины дополнением в виде «разъяснительной» метафоры, а образы у него сопровождалась комментариями, что сближало план содержания и план выражения поэтического текста. Ш.Кудайбердиулы продолжил этот способ передачи своих философских мыслей, но он использует суфийские термины, привязывая каждый к определенной семантике. Многие термины он перевел, точнее сказать, переделал согласно восприятию своего времени и казахскому менталитету. Например, вместо термина «шарап» он использует слово «арак», а «возлюбленную» Шакарим передает словом «жар». Такая передача суфийского текста упрощает восточную изящную словесность. Но это упрощение намеренное, автор стремится очистить свои мысли от всего лишнего, что может исказить их.

Е.К.Иванова

*Новая поэзия и классическое литературное наследие в Иране.
К вопросу о преемственности литературной традиции*

Зародившись в Иране на рубеже 19 и 20 веков, новая поэзия (ше'р-е ноу) в 20-е годы оформилась как направление ше'р-е нимаи, у истоков которого стоял великий Нима Юшидж. В развитии этого процесса появились свободный и слоговой стих, и новая поэзия постепенно завоевала господствующее положение в персидской поэзии, значительно потеснив классическое стихосложение в творчестве современных поэтов.

Этот процесс был мучительным и сложным. Ярым консерваторам казалось, что порвется связь времен – и будет предано забвению классическое наследие – незыблемое основание культуры.

Однако литературная жизнь показала, что эти опасения были напрасными. Литературное наследие предшествующей эпохи зримо и незримо присутствует в творчестве современных стихотворцев, идущих новыми путями. Во-первых, практически все видные поэты – приверженцы новой поэзии имеют в своем творческом багаже стихи,

¹ Пригарина Н.И. Поэзия Мухаммада Икбала. М., 1976, с. 162–163.

сочиненные классическим арузом, в жанре газели, моназере, рубаи, маснави и др. Во-вторых, сам свободный стих, будучи главным направлением новой поэзии, основан на свободном варьировании стопы какого-либо размера аруза в рамках строфы. В-третьих, многие произведения новой поэзии посвящены поэтам-классикам, чаще других Хафизу и Фирдоуси, либо эпиграфами к ним или даже их названиями служат строки из классической поэзии. В-четвертых, из классической поэзии в новую перекочевали многие герои, образы и тропы. В-пятых, язык новой поэзии сохраняет немало грамматических архаизмов, т.е. содержит и активно использует формы, вышедшие из употребления в современном языке.

Итак, возникнув на прочном духовном фундаменте классической поэзии, новая поэзия, несмотря на то, что она коренным образом изменила план содержания и выработала новые формы построения стиха, не только не оторвалась от поэтической традиции, но и явилась новым важным этапом в ее развитии.

Ю.В.Москаленко
(ДВГУ, Владивосток)

Эпоха преобразования поэтического языка Кореи во 2-й пол. XX в.¹

Литература Кореи начала 80-х г. XX в. была отмечена высокой активностью молодежи. В то время, когда число учрежденных литературных журналов сократилось или все они прекратили публиковать свои издания под воздействием тяжелого политического контроля цензуры, молодые писатели самопроизвольно объединялись и публиковали собственные журналы. Освободившись от влияния старшего поколения писателей, они подали независимый голос протеста. Многие талантливые писатели достигли своей зрелости именно в этот период времени, их художественное воображение расширило свои границы. В корейской истории еще не было периода, охарактеризовавшегося такой значительной продажей стихотворных сборников. Именно по этой причине многие корейские критики называют период начала 1980-х гг. «эпохой поэзии».

У истоков такого бурного десятилетия стояли такие молодые поэты как Ли Сонбок, Хван Чиу, Чхве Сынхо, Пак Намчхоль, Чхве Сынджа, Ким Хесун, Чан Чонгиль. Эти поэты, преисполненные чувства

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Проблемы развития литератур Дальнего Востока в XX веке», проект № 2.1.3/1668.

враждебности по отношению к правящим кругам власти Кореи, отказались от использования существующих норм поэтического языка и грамматики. Они выражали протест против отдельных сторон современного общества и против боли бессмысленного человеческого существования, используя грубую форму живого, непринятого языка, который вступал в резонанс со средой корейского общества.

Так, например, Ли Сонбок (р. 1952) в своем стихотворении «Когда пробудится ото сна перекасти-поле?» (1980) использует провокационный язык подстрекания для того, чтобы выявить «больной мир» вокруг себя. Хван Чиу (р. 1952) в своем поэтическом творчестве обличает болезни современного общества. В сборнике «Даже птицы покидают мир» (1983) поэт выражает сильное чувство враждебности по отношению к существующему политическому порядку.

Отличительной чертой многих молодых поэтов, писавших в то время, является манера выражать свои мысли во многих произведениях, как на исповеди. Беспощадное, бесчеловечное выставление напоказ нечто сокровенного и личного в откровенной форме, вероятно, связано с желанием поэтов уберечь и сохранить правду.

Г.Е.Надилова

(Казахский НУ, Алма-Ата)

Современный тунисский роман: вопросы специфики

Тунисский арабоязычный роман чрезвычайно богат на течения, тенденции, стили и методы, от реалистических до постмодернистских, в нем присутствует большое разнообразие тем и средств. Художественно-эстетический уровень самобытных и оригинальных произведений достаточно высок. Объективно тунисский романский жанр сосредоточил в себе весь опыт арабского романа, история развития которого, в основном, хорошо изучена сегодня благодаря достижениям египетской литературы.

Однако в силу ряда исторических и культурных обстоятельств арабоязычный роман Туниса прошел свой путь развития и обладает рядом специфически тунисских черт, проявляющихся в круге забот и проблем, интересующих тунисских романистов, в тематике, языке, исторических и географических реалиях. И в частности, есть свой путь в использовании арабского культурного наследия.

Использование наследия проявляется в употреблении языка, в повествовательных формах, напоминающих жанры хадис, хабар, народные рассказы-*хикайя*, предания, в коранических аллюзиях, в упоминании исторических лиц, занимавших определенное место в общественном образе мыслей и представлениях. Однако структура

этого типа романа не подчиняется известной схеме социального романа, это бунт против застоя линейного повествования и последовательной системы событий.

Оживление культурного достояния – вот основная идея многих современных тунисских романов, написанных сложной художественной техникой, герметичным письмом, с использованием сюрреалистических образов и иногда чисто исламских символов, из плана мистического, но наделенных общечеловеческим, гуманистическим смыслом.

Глубокая связь с наследием проявилась в стремлении молодых писателей-романистов к диалогу, попыткам ввести его в действие через постоянный поиск и эксперимент с тем, чтобы обрести свою тунисскую самобытность и оригинальность, отличающую данную словесность от новеллистического и романного творчества Машрика и Запада.

С.Ш.Насимова
(ТашГИВ, Ташкент)

Психологизм в произведениях Дин Лин

Персонаж литературного произведения обладает определенной структурой, в которой различимы внутренние и внешние признаки.¹ Литература периода Средневековья, в особенности эпоха Возрождения, внесла определенный вклад в изучение и изображение внутреннего мира человека. Были раскрыты сложность и противоречивость человеческой природы. Литература VIII–XI веков знаменует начало авторской художественной литературы, в которой прослеживается переход от придворной – к частной жизни, к миру субъективных переживаний, от высоких материй к повседневным вопросам жизни.

Исследование самосознания и «диалектики души» – одно из замечательных открытий в области литературного творчества было предпринято Лу Синем (1881–1936) и нашло свое отражение в китайской литературе. Данная статья посвящена раскрытию психологизма в творчестве Дин Лин (1907–1986), имеющей свою тему, своих героев, свой оригинальный стиль. Характерной чертой произведений Дин Лин является анализ проблемы личности и общества, автор предпринимает попытку моделирования непростых взаимоотношений личности и окружающего мира.

На примере рассказа «Анна» (1981) раскрыта сложность человеческой души, чувство одиночества, страха перед жизнью. Переживания и раздумья персонажа ярко раскрываются во внутренних монологах – своего рода повествованиях от первого лица. Передача

¹ В.Е. Хализев. Теория литературы. М., 1999, с. 157.

внутренних чувств через описание окружающей обстановки или природы является одной из характерных особенностей творчества Дин Лин. Образы природы обладают глубокой и совершенно уникальной содержательной значимостью в ее произведениях. В многовековой культуре Китая укоренено представление о благодати и насущности единения человека с природой. Дин Лин в своих произведениях также пользуется символами, давая читателю возможность самому домысливать высказывания. Примером универсального символа в рассказе «Анна» могут служить «клетка», «хрустальный дворец». Внутренние монологи героини рассказа – это глубокое психологическое раздумье о судьбе женщины, кажущейся счастливой, но не нашедшей гармонии между окружающим миром и своим психологическим состоянием.

Психологизм персонажей произведений Дин Лин является одним из интереснейших компонентов ее творчества, включающего в себя и традиционные общие описания того, что испытывает герой, и детальный авторский анализ происходящего в душе персонажа.

А.И.Пылев
(ВФ СПбГУ)

Сочинение Мехмеда Фуада Кёпрюлю «Первые мусульманские мистики в тюркской литературе» и его значение для изучения истории и литературы суфизма у тюркских народов.
(К 90-летию первой публикации)

«Первые мусульманские мистики в тюркской литературе» («Türk edebiyatında ilk mutasavvıflar») – одно из наиболее крупных, фундаментальных сочинений известного турецкого ученого-филолога, историка и литератора, ординарного профессора Стамбульского университета Мехмеда Фуада Кёпрюлю (1890–1966). М.Ф. Кёпрюлю был одним из первых в Османской империи и республиканской Турции ученым знатоком и историком тюркских литератур, получившим европейское образование, знавшим западные языки и в полной мере овладевшим самыми передовыми в то время европейскими методами исследования. При этом он опирался как на собственные знания арабского, персидского и тюркских языков и навыки работы с восточными рукописями, так и на последние достижения европейского востоковедения. Его сочинение о первых мусульманских мистиках (суфиях) в тюркской литературе, впервые опубликованное в 1918 г., было высоко оценено западноевропейскими исследователями (Т. Менцель и др.). Сочинение М.Ф. Кёпрюлю издавалось в последующие годы в Турции не менее семи раз и до сих пор служит надежным

пособием для всех изучающих раннюю мусульманскую литературу тюркских народов.

Труд М.Ф. Кёпрюлю является первым в мире исследованием, где предпринята попытка всесторонне изучить историческую обстановку и духовную жизнь тюрко-мусульманского мира в XI–XIV вв., показав тем самым условия, в которых жили и творили первые поэты-мистики (Ахмад Йасави в Средней Азии, Йунус Эмре в Анатолии и их последователи), положившие начало новому направлению в художественном творчестве тюрков – «народной мистической (суфийской) литературе».

Важным достоинством исследования М.Ф.Кёпрюлю является исключительное внимание к историческим источникам. М.Ф. Кёпрюлю, в частности, впервые указал на проблему подлинности ныне известных стихов данных авторов, возникающую из-за того, что самая ранняя известная письменная фиксация этих произведений была осуществлена как минимум на 200 лет позднее времени жизни их авторов.

Сочинение М.Ф. Кёпрюлю по своему объему, охвату материала (в ней мы находим имена и оценку деятельности не менее 100 тюркских суфиев, многие из которых были и поэтами) и использованию средневековых источников до сих пор не имеет себе равных в мире. На нее продолжают ссылаться авторитетные исследователи-ориенталисты Запада и Востока. Представляется целесообразным осуществить перевод этого труда М.Ф. Кёпрюлю на русский язык, с тем чтобы с ним могли познакомиться более широкие круги исследователей и всех интересующихся историей и литературой исламского мистицизма.

*Салимахон Рустамий
(ТашГИВ, Ташкент)*

*Роль и место ученых из Средней Азии в развитии «искусства
красноречия» – ‘илм ал-балага*

Арабская филологическая наука, возникнув в IX веке, оперировала несколькими составными частями, одной из которых была «‘илм ал-балага». Структурно и тематически оформившись к XII веку, данное направление науки подразумевало умение «красивого изложения», поэтому основным его объектом исследования была «фраза», его составные части, которые должны были формировать «культуру речи говорящего».

Арабская традиция отводила «‘илм ал-балага» важное значение, поэтому данная наука была в центре внимания лингвистов и литературоведов. Любой ученый, занимающийся активной деятельностью, должен был знать основы «‘илм ал-балага», так как

умение «правильно, достойно и красиво» излагать мысли очень ценили на Востоке. Вследствие этого, уделялось большое внимание развитию этой науки. «Илм ал-балага» широко преподавалось в учебных заведениях, наряду с «сарф» (морфология), «нахв» (синтаксис) и «луга» (лексикография).

В развитие «илм ал-балага» внесли значительный вклад сочинения ученых из Средней Азии. Среди них – «Мифтах ал-‘улум» Абу Якуба Юсуфа ас-Саккаки (XII в.), «Талхис Мифтах ал-‘улум» Джалал ад-дина Мухаммада ал-Казвини (XVI в.), «Шарх Талхис ал-Мифтах» Мас‘уда б. Умара ат-Тафтазани (XVI в.). Заслуга Саккаки в том, что он пересмотрел и изучил сведения, изложенные до него по «илм ал-балага» и определил его основные закономерности. Но так как «илм ал-балага» преподавалось во всех учебных заведениях в качестве обязательного предмета, была необходимость его методического упрощения. Таким трудом стал «Талхис Мифтах ал-улум» Казвини. Позже Мас‘уд бин Умар ат-Тафтазани (XVI в.) написал комментарий к «Шарх Талхис ал-Мифтах» Казвини.

В фонде восточных рукописей ИВ АН Узбекистана им. Абу Райхана Бируни хранится рукопись «Мифтах ал-‘улум» (инв. №7843/IV). Здесь же хранятся более 32 списков «Талхис Мифтах ал-‘улум» и 22 списка «Шарх Талхис ал-Мифтах», большинство из которых относится к XVI–XIX вв. Все эти списки были переписаны и оформлены среднеазиатскими переписчиками.

Средневековые трактаты по «илм ал-балага» и сегодня представляют научный интерес, так как они дают ценные сведения об истории и развитии арабского языка и литературы.

В.В.Рыбин
(ВФ СПбГУ)

***Читая стихотворения-пародии эпохи Мэйдзи.
(К вопросу о ритмике и метрике японских стихов)***

Как представляется, довольно широко известно, что в японском стихосложении не используется рифма. Образуются же японские стихи из ритмических «фигур», имеющих силлабический характер. Так, пятистишия *танка* (букв. «короткая песня»), форма которых «складывается из пяти стихов, точнее синтагм, – двух пятисложных и трех семисложных, чередующихся по принципу 5–7–5–7–7»¹. Этот же

¹ Боронина И.А. Поэтика классического японского стиха (VIII–XIII вв.). М., 1978. С. 11.

автор считала, что *танка* состоят из 31 слога¹. Вопрос в том, действительно ли слог несет на себе ритмообразующую основу *танка*?

Приведем один из примеров, включенных в монографию И.А.Борониной.

Кими нарадэ /Коль не тебе,/ тарэ-ника мисэн /Кому я покажу/ умэ-но хана /Этот сливы цветок?/иро-о мо ка-о мо/И цвет и аромат/сирухито дзо сиру /Знает лишь та, которую я знаю!/. Во второй строке как будто представлено не 7, а 6 слогов. Дело в том, что в слоге СЭН две ритмообразующие метрические единицы: в комплексный слог входят сочетание СГ и конечно-слоговой назальный Н – мора, функционально близкая к слогу.

Эти явления встречаются и в *хайку*, состоящих из трех строк содержащих 5–7–5 слогоподобных единиц. Например, *хайку*-пародия на излюбленную в китайской поэзии тему «хризантемы – последние цветы», сочиненная Басё: Кикуноти / После хризантемы, / дайкон-но хока / Кроме редьки, / Сара-ни наси / Ничего нет! /. Видно, что двусложное ДАЙ-КОН состоит из четырех метрических единиц – ДА.Й-КО.Н.

В докладе обсуждаются ритмико-метрические правила японской версификации как в классической, так и пародийной поэзии эпохи Мэйдзи.

Наргиза Саидова
(ТашГИВ, Ташкент)
Особенности литературного модернизма
в творчестве Валида Ихласи

Различные формы современного модернизма (иррационализм, феноменологизм, экзистенциализм) в произведениях Валида Ихласи прекрасно уживаются с реалистическими традициями, заложенными представителями литературной школы Лиги сирийских писателей.

Публикация в 1977 году двух повестей писателя «Смерть улитки» и «Знаешь ли ты, какие они видят сны?» хронологически совпадает со временем становления постмодернизма в западной литературе. Сюжетно-композиционное построение повестей указывает на приверженность Валида Ихласи к «бессюжетному» типу повествования, появление которого в мировой литературе обязано эстетике модернизма.

В содержании вышеназванных повестей на первый план выдвигается тема становления личности в условиях нестабильной

¹ Там же.

общественно-политической и экономической обстановки. Поиск жизненной позиции, который ведут герои Валида Ихласи, отражает то состояние поиска путей развития, в котором находилось сирийское общество в 70-е годы XX века.

По замыслу автора город, в котором происходит действие повести «Смерть улитки», это некий образ жизни, мышления, психология, и в этом смысле, почва, на которой происходит конфликт. На этой почве сталкиваются, ведут напряженный диалог два мировоззрения, две жизненные позиции, в конечном счете, два типа бытия и образа жизни. С одной стороны – это город со всеми его жителями, с другой стороны – это главный герой аль-Мадани, трагедия которого заключается в проблеме слабого человека, оказавшегося одиноким в условиях современного мегаполиса.

Эстетика модернизма в повести проявляется не только в жизненной тупиковой ситуации аль-Мадани, но и в иллюзорности человеческих отношений в абсурдном мире. Все попытки отыскать истину, утвердить какие-либо духовные ценности терпят крах перед лицом абсурда, высшее выражение которого – смерть, изначально обесмысливающая все попытки сопротивления хаосу бытия. Художественные средства литературного модернизма в повести «Знаешь ли ты, какие они видят сны?» выражаются в тщетности усилий человека добиться счастья, жить полноценной благополучной жизнью. Абсурд в повести окончательно поглощает человека, делает его вещь, куском плоти, марионеткой без памяти и без чувств. Описание кошмарных снов героев повести «Знаешь ли ты, какие они видят сны?» представляет собой бессмысленный набор, хаотичное сцепление слов в отрыве от всякой внешней реальности.

С.Р.Сотиболдиева
(ТашГИВ, Ташкент)

Иранский роман в литературном процессе XX века

Живой интерес к процессам, происходящим в современной персидской художественной прозе, всегда проявляли российские и западноевропейские литературоведы. Известные иранисты К.И. Чайкин, А.А. Ромаскевич, Ю.Н. Марр, Е.Э. Бертельс, М.Н. Иванишвили, Ф. Махальский, Х.Г. Короглы, Г. Кадыров, Д.Д. Икрами, Л.Г. Гиунашвили, К.Балуи, Дж. Дорри в своих работах касались определенных этапов развития персидского романа. В работах отечественных иранистов Х.Абедени, Я.Аръянпур, Р.Барахани, М.Яхаки, М.Киянуш и др. также рассматриваются проблемы современной иранской литературы. Но большинство из этих работ не отличаются системным анализом

иранских романов постреволюционного периода. Интерес узбекских ученых выразился в переводах иранской прозы 70–80-х годов. Новейший этап развития персидского романа в литературоведческой науке отражен пока крайне слабо. С этой точки зрения исследуемая тема особо актуальна и перспективна в иранистике.

Данная работа посвящена исследованию литературных процессов постреволюционного периода в Иране, в частности, основных этапов и принципов развития жанра романа, его месту и значению в современной иранской литературе.

В творчестве Ш. Парсипур, Х. Гольшири, А. Маруфи, Х. Каримпур, И. Фасих, М. Киянуша прослеживаются реалистические и модернистские тенденции и выявляются типологические аналогии с произведениями западных писателей. А также рассматривается творчество наиболее крупных писателей, как А. Махмуд, М. Давлатободи, которые, вбирая в себя лучшие достижения литературы Запада, оставались верными великим традициям персидской классической литературы и фольклора. Тематический диапазон иранской романистики охватывает социально-политическую, антивоенную проблематику.

А.С. Сулейманова
(ВФ СПбГУ)

Турецкий постмодернистский роман

Турецкий постмодернистский роман – новое направление в турецкой литературе последней четверти XX – начала XXI в., представленное такими писателями, как Пынар Кюр (1943), Бильге Карасу (1930 – 1995), Хильми Явуз (1936), Орхан Памук (1952), Лятифе Текин (1957), Ихсан Октай Анар (1960), Элиф Шафак (1960). В отличие от турецких литературоведов, большинство из которых уверены в том, что новый роман – лишь подражание западным образцам, европейская критика небезосновательно готова признать самобытный и оригинальный характер турецкого постмодернизма, свидетельством чему является вручение в 2006 г. Орхану Памуку Нобелевской премии по литературе.

Возникновение турецкого постмодернистского романа, как представляется, в большей степени подготовлено общественно-политической ситуацией, процессом «вестернизации» общества, нежели развитием собственно литературного процесса. Данный факт лишь подтверждает нашу теорию относительно того, что постмодернизм, как в своем широком понимании, так и в узком – литературном, представляет собой антитезу тоталитаризма любой идеологии.

Постмодернизм, порождая копии никогда не существовавших оригиналов, стремится разоблачить *симулякры*, которыми идеология, государственная или духовная, вуалирует действительность. Вполне резонно, что и турецкий постмодернизм возник вследствие того, что прогрессивная часть турецкого общества осознала тот факт, что процесс вестернизации Турции протекает в соответствии с представлениями о «Западе», зачастую ничего общего с самим Западом не имеющими. Таким образом, турецкий постмодернизм явился реакцией отторжения на политику вестернизации, заведшую Турцию в политико-идеологический тупик.

В формальном плане новая турецкая литература противопоставила себя так называемому «анатолийскому роману» (аналог «деревенской» прозы) и «политической» литературе Турции. В этом нет противоречия с основной сутью литературного постмодернизма, которая заключается в том, что последний, соединяя в себе три последние тенденции литературного процесса – реализм, модернизм и массовую литературу, лишает их своей авторитарности. И хотя собственно модернистские художественные эксперименты не были широко распространены в турецкой литературе, за исключением поэзии, всю новую литературу с ее европейскими жанрами следует считать модернистской по сравнению с существовавшими до начала европеизации литературными традициями, характерными для всего тюркского мира. Не стоит также забывать, что новые жанры (роман, рассказ, новелла) были заимствованы из европейской литературы турецкими просветителями с одной целью – влиять на народные массы.

Г. У. Туйчиева
(ТашГИВ, Ташкент)

***Исследование рукописей ДОРН 386 и ДОРН 387 из фонда
Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина
в стиховедческом аспекте***

Среди 55 списков куллийатов Амир Хосрова Дехлави есть два, которые представляются уникальными в стиховедческом аспекте. Это куллийаты, хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (РНБ) в Санкт-Петербурге под инвентарными номерами ДОРН 386 и ДОРН 387. В них проставлены вазны (название бахра и формула вазна), а также цифровое обозначения вазнов некоторых газелей А.Х.Дехлави.

В куллийате ДОРН 386 из 132 газелей критического текста дивана¹ проставлены вазны к 118 газелям, в самой же рукописи насчитывается 122 газели из первого дивана. В ДОРН 387 из 132 газелей дивана «Тухфат ас-сигар» проставлены вазны в 100 газелях, в саму же рукопись входит 112 газелей из критического текста. В рукописи Add 21104, хранящийся в Британском музее, из 124 газелей дается вазн и бахр 109 газелей.

Сличение установленных нами вазнов газелей с данными, зафиксированными в куллийатах, дало следующие результаты:

а) в 14 случаях из 128 наблюдается полное соответствие наших данных и данных всех трех рукописей;

б) в 22 случаях из 128 наблюдается полное соответствие с данными двух рукописей;

в) 10 случаях наши формулы были идентичны с данными одной рукописи. Вообще соответствий с данными из трех рукописей наблюдается 36 случаев из 128 газелей критического текста.

г) абсолютно разные, отличные от данных рукописей вазны наблюдались в 4 газелях;

д) кроме этого, встречаются случаи, когда наши данные и вазны рукописей идентичны в бахре, но в зихафах они различны, их мы насчитали – 48. Газели 30, 36, 53, 66, 111, 125 могут считаться муталаввином;

е) также есть случаи, когда совпадают между собой наши и рукописные данные в бахре и парадигме вазна, но в полном названии вазна они отличаются, таких случаев – 19;

ж) в 4 газелях рукописи вообще не указывают вазн (газели 44, 65, 71, 117).

Уникальность вышеуказанных рукописей в том, что они свидетельствуют о работе по исследованию вазнов газелей и их обозначению, проведенной в средние века.

Е.И.Фейн
(ВФ СПбГУ)

***Некоторые количественные характеристики текста сафар-наме
первой трети XIX века: эволюция жанра***

Жанр путевого дневника «Сафар-наме» (книга путешествия) традиционен для персидской литературы как классического периода, так и новой эпохи. Это один из наиболее значимых жанров персидской

¹ Мусаев Б.М. Текстологическое исследование газелей «Тухфат ас-сигар» Амир Хосрова Дехлави. КД. Ташкент, 1969.

литературы: есть основания полагать, что он сыграл роль своего рода «моста» от классической персидской литературы, в большинстве представляющей собой поэтические произведения, на последнем этапе развития исполненные в индийском стиле, к новой персидской литературе, характеризующейся развитой системой прозаических жанров и (применительно к сафар-наме) «минималистским» стилем.

Дневник шахской искупительной миссии 1829 года во главе с принцем Хусравом мирзой в Санкт-Петербург – яркий образец жанра сафар-наме нового периода. Если сравнить его со знаменитым «Сафар-наме» Насира Хусрава (XII век), то можно видеть целый ряд радикальных различий, обусловленных во многом разным пониманием *функций* произведения данного жанра. Эти расхождения в понимании задач и функций жанра сафар-наме можно представить в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Задачи автора сафар-наме

<p>Задачи автора сафар-наме классического периода:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Создать произведение искусства • Воспользоваться описанием путешествия для философско-религиозных рассуждений • Продемонстрировать виртуозное владение стилем жанровой традиции эпохи • Вознести хвалу правителю/покровителю (прямо или косвенно) • Увековечить имя автора 	<p>Задачи автора сафар-наме 18–19 века:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Создать достоверный документ • Представить истинную картину быта посещаемых мест, привлекая реальные факты • Достичь предельной лаконичности и простоты языка • Информировать и вдохновить правителя на реформы, просветить народ • Подать импульс для развития государства
---	---

Указанные содержательно-функциональные различия, в свою очередь, вели к перестройке языкового инструментария, использовавшегося при создании соответствующих текстов. Так, сокращается длина предложения, употребление определений становится более функциональным, нежели декоративным, в связи с чем глубина определений значительно сокращается.

В табл. 2 представлены доступные на данный момент обобщенные количественные характеристики.

Таблица 2. Количественные характеристики текста сафар-наме

Характеристика	XII век	XIX век
Длина предложения (в словах)	Преобладают длинные предложения	Преобладают короткие предложения
Степень использования эллипсиса	Высокая	Низкая
Длина приименной определительной группы	Преобладают многословные определительные группы	Преобладают немногословные определительные группы
Степень использования определений-синонимов	Значительная	Незначительная

Можно видеть, что язык дневника 19 века становится более простым, лаконичным, компактным, прозаичным, ясным и доступным для восприятия.

Все изменения, возникшие в языке сафар-наме в I половине XIX века, определенно нашли отражение в литературном языке более позднего периода XX века и сформировали основу для развития языка современной прозы.

Р.У.Ходжаева
(ТашГИВ, Ташкент)

***Литературные процессы в странах Востока
и перспективы их изучения***

Изучение характера литературных процессов в странах Востока, определение факторов, способствующих движению этих процессов в сторону обновления, исследование соотношения и взаимодействия традиций и новаторских тенденций являются важными задачами восточного литературоведения.

Изучение национальной специфики литературных процессов, в рамках которых происходит смена художественных методов и соответственно формируются художественные направления и новые художественные системы, является важным фактором объективной оценки развития восточных литератур. Становление восточной литературы современного типа в каждой отдельно взятой стране и ее

интеграция в мировой литературный процесс происходит по-разному и отличается национальным своеобразием.

Наряду со странами, где формирование новой и затем новейшей литературы началось в середине XIX века, мы имеем перед собой опыт и таких стран, в которых только во 2-ой половине XX века путем ускоренного развития и полистадиальности стала развиваться литература нового типа, сочетающая в себе разные художественные направления, пересекающиеся или накладывающиеся друг на друга.

Интенсивное развитие художественного сознания и эстетического мироощущения во многих литературах стран Востока требует новых научных подходов и современных методов анализа. Если для литературных процессов характерна своя национальная специфика, то творчество многих литераторов невозможно загнать в какие-то определенные строго очерченные рамки. Следует отказаться от принятых прежде отживших себя определений и жестких классификаций.

В эпоху глобализации, когда достижения человеческой цивилизации становятся всеобщими и быстро исчезает обособленность народов, страны все чаще приходят во все более тесное соприкосновение, вызывающее интенсивный обмен культурными ценностями. В эту эпоху взаимодействие литератур, принимая поистине глобальный характер, идет интенсивно, как с Запада, так и с Востока на Запад. Творчество народов Востока, его культурное наследие получают небывалую широкую читательскую аудиторию. Значимость вклада восточных народов в сокровищницу мировой литературы настолько очевидно, что без его участия невозможно говорить о мировом литературном процессе в целом.

Изучение литературных явлений на основе определения функциональной роли элементов культурного наследия (суфизма, даосизма, конфуцианства, учения бхакти и т.д.) и новаторских инноваций позволит выявить сущность изменений художественных принципов и мировоззренческих основ восточных литератур на современном этапе.

Л.Ю.Хронопуло
(ВФ СПбГУ)

Герой «сверхкороткой фантастической прозы» Хоси Синъити

Хоси Синъити (1926–1997) – самый известный в Японии писатель жанра «сверхкороткой фантастической прозы» («сё:то сё:то» – от англ. «short short»). Рассказы Хоси по объему не превышают нескольких (обычно трех-пяти) страниц и характеризуются фантастическим

сюжетом, неожиданным поворотом событий и непредсказуемой концовкой. Стиль Хоси максимально прост: в его рассказах практически отсутствуют редкие иероглифы, длинные предложения; нет пространных описаний или размышлений. Кроме того, стремясь сделать свои произведения всегда актуальными и понятными любому читателю, Хоси отказывается от указаний на эпоху, политическую, экономическую или социальную обстановку в стране; также он избегает называть места, где происходят события.

Героев рассказов Хоси (они носят такие имена, как «Г-н F», «Г-н N», «Г-н K») можно разделить на три основных категории: 1) обычные люди (служащие фирм и т. д.), попадающие в фантастические обстоятельства; 2) изобретатели, ученые; 3) инопланетяне (как правило, персонажи положительные). Обычные люди встречаются с волшебниками; видят галлюцинации или фантастические сны, которые путают с реальностью; путешествуют в космосе; к ним в руки попадают предметы, наделенные магической силой. В некоторых рассказах не происходит ничего фантастического и необычного – но ситуация, показанная глазами героев, выглядит таковой. Ученые (или любители) изобретают необычные лекарства или механизмы; на их изобретения часто покушаются злоумышленники, – и именно украденная вещь становится для них наказанием.

При таком разнообразии сюжетов и образов герой Хоси – личность, в которой заложен механизм самоуничтожения. Творения изобретателей приводят или почти приводят к гибели и их самих, и окружающих («Бокко-тян»¹, «Странное лекарство»). Бесценные дары инопланетян (секреты сохранения мира на Земле, чистая совесть и т. д.) оказываются не нужны человеку, и он отвергает их («Сувенир», «Обещание»). Даже злой дух лишь выполняет корыстные пожелания человека, которые грозят тому погибелью («Злой дух»), или же становится объектом пыток: люди вымещают на выманенном из зеркала беззащитном чертенке свое зло, а когда тот сбегает, ищут новый объект издевательств и в конечном итоге убивают друг друга («Зеркало»).

Герой Хоси слишком слаб для того, чтобы замкнуть на себе цепь мирового зла; не имея сил убить ближнего, он перепоручает это другому, второй перепоручает третьему, и так – до бесконечности; в конце концов все люди становятся врагами («Осада»). Именно в каждой отдельно взятой личности кроется причина гибели всего человечества;

¹ Все рассказы взяты из книги: Хоси Синъити. Бокко-тян. Токио: Синтё:ся, 1992. – 315 с. (На япон. яз).

вопрос, возможно ли будущее, остается в произведениях Хоси открытым («Эй, выходи!», «Подарок»).

Сейфадин Эйвазов
(Нахичеванский ГУ, Азербайджан)

Нахичеванская литературная среда в постсоветский период

В период после распада СССР произошел целый ряд существенных изменений в жизни и творчестве деятелей литературы Нахичеванской Автономной Республики, остающихся неотъемлемой частью общеазербайджанской литературной среды.

С одной стороны, вскоре после распада СССР ушли из жизни многие выдающиеся представители старшего поколения писателей, такие как Гусейн Ибрагимов, Музаффар Насирли, Гусейн Рази и др. Народный писатель Гусейн Ибрагимов перед смертью успел завершить оригинальный по композиции роман «Клевета», посвященный жизни великого поэта Гусейна Джавида, ставшего жертвой репрессий 37-го года. С другой стороны, целый ряд нахичеванских авторов живет и трудится за пределами НАР – в Баку, Сумгаите и других местах.

Произошли изменения и в тематике произведений. Как и в других регионах постсоветского пространства, на первый план вышла национальная тематика. Авторы писали о судьбе своей страны и своего народа, пытались переосмыслить события далекого и недавнего прошлого республики, создавали художественные образы исторических деятелей, классиков литературы и науки. Таковы романы Гамида Арзулу («Гачаг Гушдан»), Гюллю Мамедовой («Кязим Гара Бекир паша»), пьесы Гасанали Эйвазлы («Туркменчайское убийство», «Солнце, восходящее на берегу Араза» и др.), Адилья Бабаева («Возвращение Кероглу в Ченлибель»), Эльмана Габиба («Безбрежные реки»). Отметим, что эти пьесы с успехом шли на сцене Нахичеванского театра им. Дж. Мамедкулузаде.

Произведения нахичеванских авторов регулярно печатаются в областной газете НАР «Шарг гапысы» («Врата Востока»), в районных газетах и газетах г. Нахичевань, таких как «Голос Шарура», «Страна Огуз», «Страна Ноя» и др. Каждое из этих изданий имеет сильную армию публицистов, в их числе Акиф Ахундов, Джафар Алиев, Эльман Мамедов и др.

Председателем Нахичеванского Писательского Союза, имеющего в своем составе около ста членов, является поэт Асим Ядигяр. В творчестве таких поэтов, как Вагиф Мамедов, Эльман Габиб, Абульфаз Мухтароглу, Ибрагим Юсуфоглу и др. ведущее место занимают темы патриотизма и нравственного воспитания молодежи. В районах НАР

функционируют литературные кружки Писательского Союза, которые ведут важную работу по координации литературной деятельности в регионе. Выпущенная в 2002 г. книга «Шарурское литературное объединение» автора этих строк представляет собой отчетный характер деятельности данного творческого очага.

Литературная критика и литературоведение НАР представлены такими фигурами, как академик Иса Габиббеили, профессора Явуз Ахундлу, Магеррам Джафарлы, Севиндик Велиев и многие другие.

Таким образом, несмотря на все объективные трудности, поступательное творческое развитие нахичеванской литературной среды продолжается с большим подъемом и сегодня.

Barno Avezova
(*State Classical Academy, Moscow*)
The Trip to India in Mirzo Tursunzoda's poetry

Mirzo Tursunzoda is one of the Prominent Tajik Figures of the Twentieth Century. In the paper are analyzed poems of the poet which are devoted to India. The poet is a seer and humanist who have pondered deeply over all the social, political and economic problems facing the East. His major work entitled «*Qissai Hinduston*» (*The Story of India*) is one of them. This collection includes 13 poems and consists of two parts. 1 – «*Bozgasht*» (*Return*), «*Qissai Hinduston*» (*The Story of India*), «*Mehmoni 'Maqribii'*» (*A Guest from West*), «*Ruudi Gang*» (*The Gang river*), «*Boqi muallaq*» (*Hanging Garden*), «*Tara Chandri*», «*Dar yodi kas*» (*Memory about somebody*)(1947); 2 – Poems «*Sayohi Hind*» (*A traveler of India*), «*Tajmahal*», «*Dar orzui oshyon*» (*Dream of home*), «*Qadahi man*» (*My tost*), «*Kulohi Professor Akhvelidiani*» (*Professor Akhvelidiani's hat*), «*Du roh*» (*Two ways*) (1948–1949).

The social and political issues of India like independence of the country, its happiness, and well-being became the heart and soul of his work. The Second World War, the economic distress, the political disobedience movement of that time, the conflict between some countries have deeply influenced to the poems. Mirzo Tursunzoda describes freedom, peace and friendship. On behalf of the hero of the poems, he, as a fighter for peace, brotherhood of various peoples, appeals to unity and to friendship. The poems «*Marhabo*» and «*Joni shirin*» are about friendship between Indian and Tajik peoples. As regarding other kinds of poems, the poet, written during the stormy days of 1950–1960s, is a landmark in modern Tajik poetry and a beacon light to later-day poets. Poems «*Man az Sharqi Ozod*» (*I am from Free East*), «*Chashmho*» (*Eyes*), «*Qissai mashhur*» (*The famous story*) and «*Charoqhoi Vatan*» (*Lamps of Mothercountry*) are some of them. They continue

each other and cover international theme too. Themes of love, loyalty, plight of women and the life of Indian workers are given in the lyric and epic poem «*Dukhtari muqaddas*» (*Holy girl*). Side by side with it we can see and imagine beautiful scenery of India (Kashmir and its mountains, rivers, sky). The poet is as a lyricist, combines political themes with themes of love. This mix of poetry and politics was his hallmark. The poems of the poet ushered in a new era in Tajik poetry and made it so rich that it could compare with any literature.

Mohammadreza Nasr Esfahani, Leila Mirmojarabian
(University of Isfahan, Iran)

The influence of Dostoevskiy's books upon the modern story writing in Iran

The philosophical questions, the psychological deliberations and exacted descriptions about life, power, and society are effective upon Jalale alle Ahmad, Bozorge Alavy, Ahmade Mahmood and so on in modern Persian literature. If we accept as a reality that modern story in Persian language is under the influence of modern literature in Europe, we should pay special attention to most influential factors in this field, especially to great works such as Dostoevskiy's novels. In this paper we try to show some of these effects in the above mentioned aspects.

Persa Koumoutsi
(Greece)

Naguib Mahfouz: pioneering universality in modern Arabic literature

It is widely accepted that Naguib Mahfouz is considered to be one of the most representative, maybe the most characteristic writer not only of Egypt but of the whole Arab world. And this is mainly because in almost all of his works he depicts with utmost sincerity and vividness the very core of Egyptian society. However, after translating the majority of his works into the Greek language, I have strongly come to believe and support that Naguib Mahfouz as many other Egyptian and Arab writers does not merely belong to the Arab world and his writing is not limited to the borders of what some may call Eastern or exotic literature.

Even though, he never neglects his nationality, origin and traditions, and the world he depicts is the typical world of Egypt and his adored city of Cairo within its picturesque neighbourhoods, busy streets and marketplaces, narrow alleys etc, he transforms these local pictures, special colours, odours and facets of eastern life into universal life situations. Mahfuze's main concern is Man in a universal sense, man as a universal creature. Even when he de-

scribes characters that bear Egyptian traits – as he borrows his material form real, everyday life in Egypt – these same characters can be identified with, and recognised by anyone everywhere on earth. The majority of his characters feel trapped in the narrow borders of society and conservatism that define those borders, and almost all of them share a tendency of escape and elevation. Their struggle to escape and attain their freedom, both physical or spiritual, is mostly symbolic and it has always been one of the most significant human tendencies since the beginning of times.

Naguib Mahfouz is fascinated by his characters, he is moved by their ordeals and torments, he sympathizes with their emotional conflicts, their struggle for survival and strives for better conditions. Man to Mahfouz is the centre of the world, and he is the same everywhere, despite all of his weaknesses and follies he is basically good and has positive elements that only need to find open channels and outlets in their spirit. The only thing they might need to obtain, to be able to achieve this, is self – awareness and prudence: two universal qualities that ancient Greek writers dealt with thoroughly in the past.

Barbara Michalak-Pikulska
(The Jagiellonian University, Krakow, Poland)
The Beginnings of Prose Writing in the Gulf Countries

A new, modern literature is being developed in the countries of the Arabian Peninsula: Saudi Arabia, Kuwait and Bahrain, slightly later in the United Arab Emirates, Qatar, Oman and Yemen under the influence of contacts with Arab countries like Egypt, Lebanon or Syria. Its origins go back more or less to the 1930s, when the Arabs in those countries, were trying to gain independence. An extremely important factor in influencing the development of modern Arab literature in the countries of that Region was to be the numerous contacts with Europe. Besides, the countries also started to organize their own primary and higher education.

The first attempts at prose met in time a rising level of social consciousness. Short stories were able to easily certify social injustice; they also were able to show the author's attitude towards reality, as his voice represented the hidden drama of the members of Arab society. The authors tried to show some social tragedy which was the effect of the backwardness, miscomprehension or underdevelopment of the Arab world. Short stories depicted chiefly mere facts and events. Slowly, however, many writers, as a consequence of widened horizons and reading introduced new techniques of depicting the world portrayed, and enriched their adroitness in writing with new means of portraying contemporary problems. The differences between the time of action and the age, as well as the social position of the characters deepen, which

is used to show social and personal view differences resulting from the changes brought about by the times. Those traditional topics, depicting the amazing past of these countries, society and family relations, were joined by new ones which are specific for the Arabian Peninsula. The main ones being the discovery of the crude oil and the subsequent economic boom, political, social and cultural changes, the inflow of a large number of immigrants, the place of man from the Gulf Region in contemporary Arab and world society, or freeing from old alliances: the sea and the desert.